Сумская Анна Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент

Кафедра телевидения, радиовещания и технических средств журналистики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru

Anna S. Sumskaia

PhD in Pedagogic sciences, Associate Professor

Department of Television, Radio Broadcasting and Technical Media of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenin Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation, e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru

Сумской Павел Федорович

Кандидат культурологии, доцент

Кафедра телевидения, радиовещания и технических средств журналистики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620000, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, e-mail: sumskoi.pavel@urfu.ru

Pavel F. Sumskoy

PhD in Culturology, Associate Professor

Department of Television, Radio Broadcasting and Technical Media of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenin Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation, e-mail: sumskoi.pavel@urfu.ru

ИСТОРИИ О РОССИЯНАХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА: КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. «Российская угроза», популяризируемая многими зарубежными медиа, актуализировала запрос на продолжение изучения национально-гражданской идентичности россиян. В основе исследования — коммуникативное поведение субъектов в медиа и коллективная культурная память. Работа посвящена выявлению репертуара идентификаций, конструированию дискурсивной идентичности россиян субъектами коммуникации в англоязычном медийном пространстве. Идентификация осуществлена в ходе анализа речевых высказываний, субъектных позиций коммуникантов, отражающих сформированную коллективную коммуникативную и культурную память.

На основе структурно-семиотического подхода, концепции культурной памяти Я. и А. Ассманн, российской культурной модели М. Бергельсон проанализированы англоязычные тексты о России и россиянах. Система текстопорождающих практик и кодов журналистского дискурса Э.В. Чепкиной, сетевой принцип организации дискурсивной идентично-

сти Л.В. Ениной, концепция сюжетосложения В.Я. Проппа и типы историй К. Букера использованы для выявления идентификаций россиян в журналистском дискурсе. На основе анализа 22 журналистских историй приходим к выводам: отечественные и зарубежные авторы используют схожие факты в рассказах о россиянах, но в итоге конструируют разные смыслы. Что признается «нормой» российскими коммуникаторами, то зарубежными авторами считается как «анормальность». Полагаем, это является отражением присвоенного ранее коммуникативного поведения эпохи «холодной войны», низкоконтекстуальной культурной традиции и национальной культурной памяти зарубежных авторов. Судя по всему, именно эти различия используются ныне политическими акторами для поддержки специально организованных «информационных конфронтаций». Зарубежные журналисты признают, что для понимания идентичности россиян неприменимы одномерные «формализованные лекала». В анализируемых текстах авторы, прежде всего, транслируют или ведут поиск «советской» и «традиционной» культурной модели (по М. Бергельсон). Вероятно, это важно для осуществления «отстройки» россиян в современной геополитической ситуации, кроме того, помогает транслировать веками зарекомендовавшую как успешную «оборонительную позицию». Вместе с тем, и отечественные, и зарубежные журналисты идентифицируют персонаж россиянина как «Героя» в процессе «Поиска и обретения цели».

Ключевые слова. Сторителлинг, национально-гражданская идентичность, россияне, коммуникативная и культурная память.

Финансирование. Исследование проведено при поддержке РНФ (грант № 19-18-00264).

Информация о статье. Дата поступления 20 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 7 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 16 июля 2019 г.

STORIES ABOUT RUSSIANS IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA: CONSTRUCTION OF NATIONAL-CIVIC IDENTITY

Abstract. The “Russian threat”, popularized by many foreign media sources, actualized a request to continue the study of the national-civic identity of Russians. The study is based on the communicative behavior of subjects in the media and in the collective cultural memory. The article is dedicated to the detection of the repertoire of identifications, the construction of the discursive identity of Russians by the subjects of communication in the English-language media space. The identification was carried out in the course of the analysis of speech statements, the subjective positions of the communicators, reflecting the formed collective communicative and cultural memory.

On the basis of the structural-semiotic approach, the concept of cultural memory by J. and A. Assmann and the Russian cultural model built by M. Bergelson, English-language texts about Russia and Russians were analyzed. The system of text-generating practices and codes of journalistic discourse formed by E.V. Chepkina, the network principle of organization of discursive identity introduced by L.V. Enina, the concept of plotting by V.Ya. Propp and the types of K. Booker's stories were used to detect the identities of Russians in journalistic discourse.

Basing their research on the analysis of 22 journalistic stories, the authors come to the following conclusion: domestic and foreign authors use similar

facts in their stories about Russians, but in the end they formulate opposite positions and construct different meanings. What is recognized as “a norm” by Russian communicators, causes confusion among foreign authors. This is a reflection of the previously assigned communicative behavior during the Cold War era, low-contextual cultural traditions and the national cultural memory of foreign actors. Most likely, this distinction is now used by political communicators to support intentionally organized “information confrontations”. Foreign journalists admit that one-dimensional “formalized patterns” are not applicable to understanding the identity of Russians. In the analyzed texts, the authors, first of all, translate or search for a “Soviet” and “traditional” cultural model (according to M. Bergelson). Perhaps, this is important for the implementation of the “adjustment” of Russians in the current geopolitical situation, and, moreover, it helps to broadcast what has proved to be a successful “defensive position” for centuries. At the same time, both domestic and foreign journalists identify the character of a Russian as of a “Hero” in the process of “Searching and finding a goal”.

Keywords. Storytelling, national-civic identity, Russians, communicative and cultural memory.

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (Grant № 19-18-00264).

Article info. Received April 20, 2019; accepted June 7, 2019; available online July 16, 2019.

Введение

В условиях информационной войны между Россией и Западом вопросы межкультурной коммуникации приобретают все большее значение в процессе продолжающейся, несмотря на различные дискуссии по этому поводу, глобализации мира. Взаимное непонимание, которое становится барьером эффективного сотрудничества, подчас является следствием различных культурных моделей, соответственно, особенностей коммуникативного поведения. Так, по мнению М. Бергельсон, российские базовые культурные ценности, являясь отражением русской культуры и проявляясь в актах высказывания, поведенческих особенностях, не всегда правильно воспринимаются западными партнерами. Для представителя одной модели коммуникативного поведения, проявления другой могут казаться грубыми, небезопасными, ненадеж-

ным или назойливыми [1]. Человек, не воспринимающий другую культуру, «не понимает обусловленных культурой народа аллюзии, влияние прошлых событий, идиоматические выражения, шутки...» [2, с. 9]. Знание особенностей идентичности партнеров, вступающих во взаимодействие, может помочь избежать негативной реакции и оказаться полезным для взаимопонимания представителей разных культур.

Результаты исследования дискурсивных знаков «Россия» и «Запад» учеными уральской филологической школы под руководством Э.В. Чепкиной показывают: «дискурсивный знак “Запад” выступает не только географическим понятием, включающим Европу и США, но и оценочно нагруженным — смыслы враждебности по отношению к России повторяются...» [3, с. 163].

Например, «Россия — субъект политического противостояния с

Западом (Европой, Америкой, Украиной)», «Россия — действует с позиции силы», «страна-борец с нацистскими настроениями», «страна-защитник традиционных ценностей» [4, с. 202]. Полагаем, такие оценочные смыслы могут быть, в том числе, результатом недостаточной чувствительности, непонимания особенной российской культуры. Однако могут быть и результатом осмысления негативных идентификаций. К примеру, авторитетная российская ученая М. Бергельсон в своих исследованиях приходит к выводу, что россиянами освоена и транслируется культурная модель морального превосходства. Это проявляется как «моральное самодовольство, вытекающее из убеждения, что русские люди обладают набором культурных ценностей и условий, которые сделали их уникальными» [5, с. 112]. В то же время в рамках своего курса «Понимание россиян» М. Бергельсон транслирует и позитивные особенности характера россиян: «открытая русская душа», дружба, эмпатия и искренность...» [6].

Попытка разрешения выявленного противоречия и поиск ответов, конструируемых смыслов, которые характеризуют национально-гражданскую идентичность россиян в дискурсе конкретных англоязычных медиа, является темой данного исследования.

У исследователей, типичных представителей россиян, сформировался лично обусловленный интерес разобраться, из каких «нитей языка и культуры» «соткано сердце» россиян в дискурсе субъектов англоязычной медийной коммуникации периода затянувшегося «сериала информационной конфронтации».

«Именно язык фиксирует, закрепляет культурные смыслы, вырабатанные в рамках различных кодов с помощью слов-означающих, несущих коннотативные значения», «выбор смысла сообщения со стороны адресата зависит от того, какие дискурсивные коды он использует, какие коннотации приписывает тексту» [7, с. 34, 39]. Ж. Деррида констатирует: «Нет ничего существующего вне текста» [8, с. 25]. Мы поддерживаем позицию Э.В. Чепкиной: «У текста не существует одного-единственного окончательного смысла, причем завершенный смысл отсутствует не из-за семантического богатства и неисчерпаемой глубины содержания, не из-за ограниченности способностей интерпретатора, а в силу сущностных особенностей структурной организации текста, виртуальности его структуры, допускающей множество актуализаций» [7, с. 47].

В работе М.В. Зеленцова доказывается, что «основными акторами, формирующими образ России за рубежом, являются российские регуляторы информационного продвижения имиджа страны» [9, с. 161] и непосредственно СМИ разных стран.

Цель исследования: выявить репертуар дискурсивных идентификаций и конструируемые смыслы, характеризующие национально-гражданскую идентичность россиян в англоязычных историях, созданных как отечественными, так и зарубежными журналистами.

Полагаем, осмысление выявленных различий в конструировании акторами национально-гражданской идентичности россиян может снизить «градус напряжения», способствовать развитию продуктивного межкультурного диалога, конечно,

при взаимном желании его ведения. Ведь «коммуниканты, владеющие одними и теми же кодами, образуют единое семиотическое сообщество» [10, с. 67].

Методология и методы исследования

В качестве ведущей методологической основы избран структурно-семиотический подход (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман, Е.М. Метелицкий, А.Б. Островский, Р.О. Якобсон). Этот метод предоставляет строгую процедуру для понимания, необходимого в процессе межкультурного диалога, возможности взаимоперевода между различными культурами...» [11, с. 28]. Структура текста <...> как пространственно-временная сущность актуализируется с помощью дискурсивных практик, а также в виде отпечатков в памяти, ориентирующих субъектов, воспроизводящих эти практики [7, с. 49].

В этой связи теоретическим основанием исследования избраны концепция коллективной коммуникативной и культурной памяти Яна и Алейды Ассманн, теория высоко- и низкоконтестуальных культур Э. Холла, модели российской культурной традиции М. Бергельсон. Для обнаружения идентификаций россиян в анализируемых материалах использована система текстопорождающих практик и кодов журналистского дискурса Э.В. Чепкиной, сетевой принцип организации дискурсивной идентичности Л.В. Ениной. Отбор текстов для анализа реализован на основе критериев качества сторителлингов, сформулированных Д. Ламбертом, А.Г. Качкаевой и С.А. Шомовой. Тексты, как целостные послания, проанализированы

на основе концепций сюжетосложения В.Я. Проппа и типов историй К. Букера.

На эмпирическом этапе работы использованы методы дискурсивного, сравнительного анализа англоязычных story. Вполне логично, что английский — язык международной коммуникации — обеспечивает доступность и понимание информации представителями самых разных стран. Кроме того, все анализируемые тексты находятся в свободном доступе, что обеспечивает их полную открытость для аудитории информационной эпохи. Наконец, все тексты созданы представителями крупнейших и авторитетных компаний/организаций, будь то Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» в Москве или департамент «Факультет журналистики» в Екатеринбурге, столице Урала. Или, к примеру, издание «The Guardian» является образцом качественной прессы Великобритании, а сайт издания, материалы которого стали объектом нашего анализа — самый посещаемый их всех британских газет. Наконец, американские «The New York Times» — одно из влиятельнейших СМИ мира, «National Public Radio» — национальное общественное радио США, крупнейшее некоммерческое СМИ страны.

Эмпирическую базу исследования составили истории о россиянах: «A Literary Road Trip in to the Heart of Russia. In the land of Tolstoy, Turgenev and now Putin, what are the stories Russians are telling themselves?», «A River of Pictures of the Dead From Russia's Sacred War» от «The New York Times» (США, Нью-Йорк), «The reindeer herder struggling to

take on oil excavators in Siberia» от «The Guardian» (Лондон, Великобритания), «The Russia Sanctions Saga: Weapons Dealers, Mobsters And Suitcases Full Of Cash» от NPR (Вашингтон, США). Кроме того, использованы истории с портала «Russia Beyond» (Москва, Россия); личного блога Татьяны Голубевой «Understand Russia: stories about everyday life in Russia» (Москва, Россия). Наконец, в работе проанализированы истории из обучающих видеокурсов «Understanding Russians: Contexts of Intercultural Communication», «Cross-Cultural Management: The current state of the Russian business culture».¹ Всего — 6 длинных и 16 коротких историй о россиянах. Все тексты имеют авторство, представляют собой закрытые структу-

ры, воплощающие замысел и обладающие смысловым единством, завершенностью. 70 % «длинных текстов» созданы зарубежными авторами, 70 % коротких рассказов — отечественными журналистами. В одной половине исследуемых сюжетов преобладает воспроизведение культурной памяти субъектами коммуникации, а в другой — коммуникативной, поскольку в рассказах отражены повседневные практики россиян. Вместе с тем, в каждом анализируемом тексте присутствуют проявления как коммуникативной, так и культурной памяти авторов журналистских материалов, причем как в выборе слов-означающих, так и коннотаций, как в повествованиях зарубежных, так и отечественных авторов. Зарубежные авторы являются представителями низкоконтекстуальных культур (по Э. Холлу), для которых большая часть информации содержится в словах, а не в контексте общения, характерна четкая и ясная оценка всех обсуждаемых тем и вопросов, поэтому дискурсивный анализ текстов этих авторов, представляется для данного исследования особенно ценным.

Для конструирования дискурсивной национально-гражданской идентичности россиян применена специальная методика анализа текстов, которая включает 4 критерия: субъект идентификации (российский и нероссийский журналист), тематические идентификации (12 направлений), идентификации в сюжетах (7 типов героев, 7 типов историй), оценочная позиция субъекта коммуникации по отношению к идентификации россиян. Результаты фиксировались в кодировальной матрице.

¹ Understand Russia: Stories about Everyday Life in Russia. URL: <https://understandrussia.com/>; Russia Beyond the Headlines. URL: <https://www.rbth.com/>; Guide To Russia — Etiquette, Customs, Culture & Business. URL: <https://www.kwintessential.co.uk/resources/guides/guide-to-russia-etiquette-customs-culture-business/>; Russia Guide. A Look at Russian Language, Culture, Customs and Etiquette. URL: <https://www.commisceoglobal.com/resources/country-guides/russia-guide/>; The Reindeer Herder Struggling to Take on Oil Excavators in Siberia. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/17/reindeer-herder-oil-excavators-siberia>; The Russia Sanctions Saga: Weapons Dealers, Mobsters And Suitcases Full Of Cash. URL: <https://www.npr.org/2018/04/06/600111532/the-russia-sanctions-saga-weapons-dealers-mobsters-and-suitcases-full-of-cash>; A Literary Road Trip Into the Heart of Russia. In the land of Tolstoy, Turgenev and now Putin, what are the stories Russians are telling themselves? URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/14/magazine/a-literary-road-trip-into-the-heart-of-russia.html>; A River of Pictures of the Dead From Russia's Sacred War. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/10/world/europe/russia-immortal-regiment-parade-victory-day.html>.

**Национально-гражданская
идентичность и
коммуникативно-
культурная память:
теоретическое осмысление
и конструирование**

В гуманитарных науках выделяют две основные традиции понимания идентичности — «жесткую» и «мягкую» концепции. В отечественной лингвистике жесткая концепция идентичности является более распространенной. С этих позиций «идентичность рассматривается как психологический процесс отождествления себя (другого) с какой-либо общностью, причем на этот процесс влияет жизненный опыт и социальное окружение, а язык занимает «срединное» положение между сознанием и действительностью, соответственно, в языке проявляется результат психологического процесса отождествления» [12, с. 19]. Согласно «мягкой» концепции идентичность способна трансформироваться в текущей коммуникации, поскольку обладая свойствами динамичности, множественности и ситуативности дискурсивная идентичность всегда является промежуточным незавершенным процессом идентификации. «Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать» [4, с. 160]. В данном исследовании, анализируя конкретные истории, мы, преимущественно, ориентированы на применение «мягкой» концепции. Тем не менее, принимаем во внимание, что на субъективную позицию авторов историй влияет, в том числе, их уже сформированная идентичность, в том числе на основе коллективной культурной памяти.

Вслед за Э.В. Чепкиной и Л.В. Ениной под национально-гражданской идентичностью россиян мы понимаем «сеть дискурсивных идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни» [12, с. 26–27]. К. Леви-Строс выделяет три последовательных этапа в понимании культурной модели/менталитета того или иного общества [13, с. 260]. Эмпирическое наблюдение и анализ идентичности, сохранившийся в сознании коммуниканта, обнаруживается в дискурсе медиа. Э.В. Чепкиной разработан и описан комплекс дискурсивных текстопорождающих практик. Важным для нашей работы является утверждение исследователя о позиции коммуникантов. «Тексты автора и читателя не совпадают. Читатель создает новую структурную модель, поскольку в процессе восприятия осознает свой смысл, часто отличный от замысла автора» [7, с. 21]. В данном случае констатируем, что текстопорождающие практики коммуниканта-исследователя также обладают субъективностью, могут отличаться от замысла автора-коммуниканта. Это важно учитывать при восприятии результатов данного исследования.

В работах Л.В. Ениной выявленные идентификации национально-гражданской идентичности россиян включают 13 тематических направлений [14, с. 56].

В данном исследовании обнаружены 9 направлений идентификаций: политическое, экономическое, историческое, религиозное, цивилизационное, ценностное, военное, территориальное, культура и искусство.

Обращение к культурной памяти коммуниканта в исследовательском проекте признаем важным. В своей теории памяти Ян Ассман выделяет 2 полюса — коммуникативную (недавнее прошлое) и культурную память (абсолютное прошлое). Алейда Ассманн, в свою очередь, фиксирует 3 полюса — память как воспоминание о современном прошлом, культура как воспоминание о давнем прошлом и личность как представитель общества, обладающего памятью. Согласно этой теории обеспечивается «конкретизация идентичности», так как культурная память обеспечивает сохранение и воспроизведение знаний, на основании которых «группа получает осознание своего единства и особенности» [15, с. 133] и развивается так называемая «конституция горизонтов» (по Ницше). W. Hirst и D. Manier исследуют психологические механизмы, обеспечивающие эффективность функционирования коллективной памяти в той или иной культуре, и приходят к выводу, что формирование коллективной памяти происходит на основе индивидуальных воспоминаний, конструируя идентичность общности [16, с. 197]. A. Erl и A. Rigney обнаруживают влияние средств массовой информации на формирование культурной памяти, создание и поддержание таких «мест и событий памяти» в воспоминаниях, которые понимаются в пределах нынешних поколений и могут быть транслирова-

ны следующим [17, с. 112]. A. Rigney разрабатывает модель и выделяет этапы передачи культурной памяти через средства массовой информации [18]. Формирование культурной памяти населения на основе символического капитала места, моделирующего переживания прошлого, исследуются в работах отечественных ученых, в частности С.А. Базикян [19, с. 595].

М. Бергельсон, развивая приведенную выше концепцию К. Леви-Стросса, выявляет особенности российской культуры на основании «моделей, сохранившихся в сознании». Она утверждает (и мы согласны с этим — А.С. П.Ф.), что на российский образ мышления влияет сосуществование трех культур в России: традиционной, советской и современной. Причем в России, многонациональной стране, «история не привела к тому, чтобы она, условно говоря, стала одной нацией, — говорит М. Бергельсон. — Так что Россия по-прежнему очень разнообразна. Вы найдете людей, которые назовут себя русскими, но они будут принадлежать, я бы сказала, к очень разным сообществам дискурса, и культурные особенности, которые можно приписать одному сообществу дискурса, не относятся к другому» [6]. «Основные разногласия в этой культуре идут <...> между традиционными (Т), унаследованными от советской системы (S) и западными (W) культурными моделями. Одной из проблем межкультурной коммуникации может быть понимание того, какой культурной модели (W, S или Т) придерживается человек, с которым вы имеете дело в настоящий момент [5, с. 103].

Таким образом, дискурсивные идентификации россиян могут быть

выявлены, конструируемые смыслы, характеризующие национально-гражданскую идентичность россиян, раскрыты на основе анализа эмпирически наблюдаемых черт менталитета россиян в медийном дискурсе (К. Леви-Стросс, Э.В. Чепкина, Е.В. Енина) по обозначившимся в тексте 9 тематическим направлениям. Полученные данные могут быть интерпретированы и «идентичность конкретизирована» с позиции теории коммуникативной и культурной памяти А. Ассманн, культурных моделей россиян — традиционной, советской и современной (по М. Бергельсон).

Сторителлинг как повествование: суть, особенности, потенциал

Одним из наиболее актуальных в настоящее время инструментов вовлечения аудитории СМИ является жанр *storytelling*, или иными словами, истории. Собственно, истории всегда привлекали и удерживали внимание легче и продолжительнее, чем просто информационные заметки. В современной информационной среде «рассказывание» для аудитории историй имеет шанс на длительное внимание и глубокое воздействие.

Истории позволяют выразить определенное отношение к транслируемой информации, а культура — это, прежде всего отношение, поэтому рассказывание историй очень важно при обсуждении и понимании вопросов культурных смыслов. Ю.М. Лотман подчеркивает: «Сюжет представляет собой мощное средство осмысления жизни...» [7, с. 37]. По словам М. Бергельсон, в настоящее время существует тен-

денция в межкультурных коммуникациях, когда при погружении в ту или иную культуру, важно предоставить не только данные и статистику, но и рассказать те или иные истории о культуре представляемой страны. «Повествование, или лучше сказать, история, конечно, имеет сюжет, героев, но самое главное, история помогает понять, что «мы чувствуем, что мы думаем об этом, каково наше отношение к этой культуре» [6]. «В фокусе внимания журналистских историй — люди и судьбы на фоне мировых и локальных вопросов. Они не рассказывают о политике и экономике, они рассказывают о том, как политика и экономика отражаются в жизни конкретного человека» [20, с. 226].

Считается, что первооткрывателем метода сторителлинга во второй половине XX века стал Д. Армстронг. Опыт использования сторителлинга в американской нарративной практике описан нами в предыдущих работах [21, с. 118]. Тем не менее, труды отечественного фольклориста В.Я. Проппа появились еще в начале XX века и внесли значительный вклад в развитие сюжетосложения. В рамках данного исследования интерес представляют разработанные В.Я. Проппом типы героев историй [22, с. 59]. В настоящее время В.С. Варакин и М.С. Миташева признают сторителлинг базовой коммуникационной технологией современного журналиста [23].

В целом, интерес исследователей к концепту *storytelling* носит локальный, но устойчивый характер. Тематический анализ научных публикаций в журналах, индексируемых в реферативной базе данных Scopus за 2017 год, как и в предыдущие го-

ды, показывает многоаспектность исследовательских интересов. Например, британский исследователь А. Gibbons изучает практики пользователей в развитии повествования, австралийской ученой D. Нансохо осмысляет роль личных рассказов в жанре сторителлинг для общественного понимания сложных социальных вопросов, необходимость согласованности сюжета истории с предпочтениями и медиапрактиками целевой аудитории подчеркивается в работах португальских исследователей M.N. Sousa, M.L. Martins, N. Zagalo [24–26]. Д. Ламберт выявляет требования для «построения сюжета цифровой истории» [27]. Российский исследователь А.М. Малахова формулирует алгоритм журналистской истории [20, с. 232]. А.Г. Качкаева и С.А. Шомова приводят 10 требований эффективного рассказывания историй [28, с. 144]. Кристофер Букер, английский журналист и писатель, все разнообразие сюжетов обобщил в семь наиболее типичных [29, с. 112].

Критерии оценки качества историй в интерпретации Д. Ламберта, А.Г. Качкаевой и С.А. Шомовой использованы нами при отборе репрезентативной эмпирической базы для исследования, а типология героев В.Я. Проппа и историй К. Букера — при выявлении в нарративах закодированной национально-гражданской идентичности россиян и России.

Результаты исследования

На основе дискурсивного анализа англоязычных текстов российских и зарубежных авторов выявлены идентификации национально-гражданской идентичности россиян, конструируемые смыслы, актуальные

для адресантов, причем отечественные сторритейлеры действуют на уровне соотнесения себя и описываемых героев с российским сообществом, а зарубежные — приписыванием группе лиц принадлежности к России, ее культуре и ценностям. Можно сказать, дискурсивные концепты «россияне» и «национально-гражданская идентичность» в текстах проявлены как интертекстуальные персонажи дискурса.

Рамки статьи позволяют представить лишь часть результатов. Идентификации, наиболее полно проявленные в англоязычных текстах, ведущие смыслы и текстопорождающие их практики, представлены в таблице.

Анализ типов историй (по К. Букеру) в текстах российских журналистов отдает безусловный приоритет двум главным сюжетам: «Победа над темными силами» и «Поиск и обретение цели». Они повторяются в три раза чаще остальных, словно коррелируя с вечными русскими вопросами «Кто виноват?» (темные силы) и «Что делать?» (поиск цели). За совпадением количества «Комедий как историй о неправильно выбранном пути» и «Трагедий, приводящих к краху» (по 4 сюжета) видится трагикомедия русской жизни как основной жанр российской истории. Это находит отражение в народной мудрости: «От страшного до смешного один шаг». Выявлено всего 3 сюжета типа «Возрождение как освобождение от злых чар благодаря действию добрых сил». Так что стоит предостерегательно беречься от падения, тем более что вырваться «Из грязи в князи» удастся совсем немногим (2 сюжета). «Незапланированное путешествие и возвращение» в текстах

**Конструируемые смыслы как результат идентификации
национально-гражданской идентичности россиян в англоязычных
текстах отечественных и зарубежных авторов**

№	Идентификации национально-гражданской идентичности россиян	
	В текстах отечественных медиа	В текстах зарубежных медиа
1	<i>Политическое</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	<p>Политические процессы в истории России исторически предопределены «абсолютной централизацией» власти и масштабностью решаемых задач. Черты большинства крупных российских лидеров: прагматизм, воля, авторитаризм, масштабность планов, равнодушие к «цене жизни» отдельного человека. Черты народа: покорность, терпение, недоверие к власти и реформам. Международная деятельность России чаще всего строится на «оборонительной» идеологии «ответного хода»; оказывает существенное, порой ключевое влияние на мировую политику.</p>	<p>Политические лидеры страны — это сильные авторитарные личности, которые пропагандируют в обществе искусственную «однородность», приоритет обязанностей над личными правами. Внутренняя политика демонстрирует разрыв в интересах власти и народа. Мнение, выходящее за рамки официального, преследуется. Внешняя политика определяется как силовая, агрессивная по отношению к странам западной демократии.</p>
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-отклонение», концептуальные коды	
	<p>Динамика оценок политической ситуации как внутри страны, так и за ее пределами периодически смещаются от относительной и недолгой «нормы» к длительным периодам «отклонения». Коды: «абсолютная централизация», «тоталитаризм», «авторитарность». Всеобъемлющие реформы «навязываются народу варварскими методами».</p>	<p>Ситуации оцениваются как выход за рамки «нормы» с проявлением явного «безумия». Заявляемые российской «элитой» цели деятельности во внутренней и внешней политике страны идентифицируются как «ложные», «злонамеренные», «коварные». Коды: лидеры страны авторитарны и агрессивны. Обществу придается искусственная «однородность» под строгим присмотром «вздымающихся башен Кремля».</p>
2	<i>Экономическое</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	<p>Пережив этап «беспрецедентного экономического спада» и пройдя путь от плановой экономики к рыночной, россияне достаточно хорошо адаптировались. Модель российской экономики специфична, поскольку производственные отношения транслируют привычные модели авторитарного общества. Социальное признание,</p>	<p>Экономика страны в кризисе. В основе экономических ресурсов — беспощадная эксплуатация недр, «нефтегазовая игла». Экологические нормы не соблюдаются. Плоды экономической деятельности узурпированы узкой группой криминально-олигархического окружения главы государства.</p>

Продолжение таблицы

	забота о семье – сильная мотивация в экономической деятельности россиян.	«По мере того, как цены на нефть опустились, – увлекая за собой экономику России – бурение только увеличилось». (Alec Luhn « <i>The reindeer herder struggling to take on oil excavators in Siberia</i> ». https://www.theguardian.com/world/2017/mar/17/reindeer-herder-oil-excavators-siberia).
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Перестройка экономических отношений в новейшей российской истории – это переход от «безумия» в период становления к «норме» рыночной экономики. Коды: «не совсем рыночная экономика», «деньги для семьи», «вера в правительство, которое может помочь», значимость выполняемой работы, зависимость от «босса».	Описываются факты экономических варварских «отклонений» в настоящее время. Коды: Российские криминальные олигархи-«грабители», входящие в ближайшее окружение главы государства, выкачивают средства из ослабленной экономики страны за границу через «денежный трубопровод».
3	<i>Историческое</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	«Исторический опыт прошлого» с его «ужасами и зверствами» предполагал быть всегда готовым к критической ситуации, формировал в российском народе подход «моя хата с краю», что привело «к фаталистическому подходу к жизни». «Россияне склонны ожидать пессимистического исхода, даже если все складывается хорошо». «Память о прошлом зачатую настолько болезненна», что «порождает своего рода амнезию» и двойственное восприятие истории. «Сталина и проклинали и восхваляют».	Исторический путь России — это путь к мечте о счастье через «ручьи крови», «зверства» и террор. Исторические «сюжеты» требуют разрешения, но и спустя 100 лет после начала крупнейшего социального эксперимента (революции в России) «взаимное прощение и примирение» не реализовано. «История... — это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться», — писал (в романе «Улисс») Джеймс Джойс. Ни к одной другой стране это высказывание не применимо в большей степени, чем к России». (Karl Ove Knausgaard « <i>A Literary Road Trip Into the Heart of Russia. In the land of Tolstoy, Turgenev and now Putin, what are the stories Russians are telling themselves?</i> ». https://www.nytimes.com/2018/02/14/magazine/a-literary-road-trip-into-the-heart-of-russia.html).
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Прошлое оценивается как историческое «безумие», обнаруживаются признаки «нормализации» процесса. Коды: «долгая история тоталитаризма», «спрос на реформы», «насилие»,	«Ненормальный» российский вариант движения к «общественному счастью». Коды: низкая значимость отдельного человека в борьбе за «всеобщее счастье». Символами «вневременного»

Продолжение таблицы

	«террор», «раскол общества», «ужасы и зверства», «голод и миллионы смертей», «победа».	русского общественного конфликта является В.И. Ленин, забальзамированное тело которого находится в Мавзолее, и царская семья Романовых, кончина которых увековечена «в гармонии архитектурных форм» Храма-На-Крови.
4	<i>Религиозное</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	Рождение русского государства связано с принятием христианства, власть всегда (за исключением Советского периода) поддерживала православную церковь. Большинство верующих христиан допускают возможность не соблюдать все церковные ритуалы. Россияне подвержены суевериям.	Религиозное чувство россиян сильно, появляется интимно, камерно. Большинство населения России следуют за христианством. Ярко и объемно представлен ислам, проявленный на территории Татарстана. Эта религия позволила осуществить позитивный «духовный переворот», переведший героя одного из эпизодов из христианства в мусульманство.
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Православие (после «безумия» – «крещения огнем») представлено как «норма», эта религия поддерживается государством. Коды: большинство россиян «отождествляют себя с православными христианами».	Религиозность определяется как «норма». В «пограничной зоне» двух крайностей «норма-безумие» находится лакуна глубинного суеверия россиян. Коды: религия является важным аспектом жизни россиян, религии национальных меньшинств России находятся на подъеме.
5	<i>Ценностное</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	Ценности россиян: мир, патриотизм, коллективизм, семья, готовность прийти на помощь, уважение к старшим, к статусу, гостеприимство. Ярко выражены гендерные стереотипы. Справедливость ценится выше, чем законы.	Россияне хранят верность традиционным коллективистским ценностям, среди которых любовь к родине, гордость за свою культуру, язык. Уважение к силе. Открытое проявление глубоких чувств возможно в случае доверия к другому. Россияне остаются радушными и гостеприимными людьми, которые любят непосредственное дружеское общение.
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Ценности оцениваются авторами как «норма». Коды: «российские патриотические чувства», «собираемся вместе», «помощь друзей», «христианские ценности».	Ценности оцениваются авторами как «норма». На уровне отклонения от «нормы» вывод: «Патриотические песни и стихи восхваляют достоинства своей родины. Они признают, что их

Продолжение таблицы

		жизнь трудна и гордятся тем, что могут процветать в условиях, в которых другим невозможно». Коды: коллективизм, гостеприимство и потребность гордиться своей Родиной.
6	<i>Военное</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	Военные победы сделали Россию «новой силой», «доминирующей державой». Россияне находятся в постоянной готовности «сплотиться перед внешним врагом» и хранят память о жертвах войн. День Победы «почитается народом» — это «источник национальной гордости и моральной поддержки русского характера». «Мы очень сильные в трудные времена».	Усилиями властей великие военные победы прошлого становятся одними из самых эффективных скреп современного российского общества, вытесняя индивидуально-семейную память, дополняя и заменяя ее государственными ритуалами. Уважение к жертвам Второй мировой войны - это, пожалуй, единственный социальный клей, чтобы сформировать единое общество». (<i>A River of Pictures of the Dead From Russia's Sacred War</i>). https://www.nytimes.com/2018/05/10/world/europe/russia-immortal-regiment-parade-victory-day.html).
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	«Безумие» военных действий — это огромное количество погибших. Защищать суверенитет страны, в том числе военными действиями — это «норма». Коды: «готовность сплотиться», «справедливая война», «защищали суверенитет», «сила в трудные времена».	Гигантский масштаб жертв российского народа идентифицируются как некоторое «безумие», также оценивается избыточная масштабность и помпезность мероприятий, посвященных Второй мировой войне. Коды: государство «кооптирует» народные инициативы по сохранению памяти о военных подвигах.
7	<i>Территориальное</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	Богатые природные ресурсы России при ее «незащищенности никакими естественными границами» обрекают народ на протяжении веков отражать вторжения захватчиков, формируя «осадный менталитет и оборонительное отношение россиян к остальному миру». «Сибирь в большей степени склонна к быстрому развитию с точки зрения развития и реализации идей».	Огромные размеры России не позволяют однозначно идентифицировать россиян по территориальному признаку. Более-менее однородные группы определяются под влиянием либо выраженного национального, либо символического территориального признака. Дополнительным идентифицирующим признаком является принадлежность россиян к категории сельских или городских жителей.

Продолжение таблицы

	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Масштабы необъятного пространства и суровый климат большинства территорий многое определяют в истории, культуре и менталитете россиян, оцениваются как «позитивное ненормальное». Коды: «место, где встречаются Европа и Азия», «осадный менталитет», «особый статус Сибири».	Нерациональность «бесконечных диких пейзажей», неравномерная плотность населения, комфортность проживания и обеспеченность благами цивилизации оценивается как «отклонение» до уровня «безумия». Коды: равноудаленность и равноприближенность от/к «Европе и Дальнему Востоку», несхожесть с их культурами и цивилизационными особенностями.
8	<i>Культура повседневности и русская литература</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	В культуре повседневности россиян отражается «коллективистский синдром», «христианская традиция», понимание неречевых сообщений, подтекстов». Юмор имеет национальную специфику и востребован россиянами тем больше, чем сложнее жизненная ситуация. Возрастные и гендерные стереотипы определяют рамки поведения.	Кумиры русской классической литературы в прошлом. Гуманистические сюжеты прошлых эпох исчерпаны сегодняшней реальностью, пространственное перемещение «по родине Толстого, Тургенева и Путина» — «перемещение назад», туда, где требует преодоления социальное расслоение и неравенство.
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Оценка российской культуры повседневности на уровне «нормы». Коды: «человек важнее времени», «коллективистский синдром» русской культуры. «Православие стало важным культурным основанием». «Общение играет важную роль». «Не улыбаться незнакомцам — культурная норма».	«Камертон» тургеневских «мальчиков со своими индивидуальными биографиями и характерами, сотканными из нитей их языка, культуры и товарищества у костра» проявляет современную российскую дисгармонию и общественный диссонанс на уровне «отклонения». Коды: «целостное видение жизни, страны, будущего России» — прекрасная, но бесплодная надежда».
9	<i>Цивилизационное</i>	
	Дискурсивные смыслы	
	Цивилизационное направление определено «осознанным решением, принятым нацией», ее лидерами «идти тем или иным путем», периодически менявшими вектор развития страны. Это породило «не решенный до сих пор актуальный вопрос»: «Россия — это отдельная цивилизация» или «необходимо идти по пути развития Запада»?	Тип российской цивилизации указывает на ее безусловную «обособленность», нерациональность, мифологичность, традиционный уклад и «замедленность» исторического развития. «Мифы, сказания всегда скрепляли Россию. Они отличались от других национальных мифов тем, что были по своей природе авторитарны: один миф доминировал, все прочие были под

Окончание таблицы

	Молодое поколение в большей степени ориентировано на Запад.	запретом. Так было при царях, осуществлявших цензуру газет и журналов, так было при Ленине. И так оно осталось по сей день». (<i>Karl Ove Knausgaard «A Literary Road Trip Into the Heart of Russia. In the land of Tolstoy, Turgenev and now Putin, what are the stories Russians are telling themselves?»</i>). https://www.nytimes.com/2018/02/14/magazine/a-literary-road-trip-into-the-heart-of-russia.html).
	Текстопорождающие практики: оппозиция «норма-безумие», концептуальные коды	
	Расположение России между европейскими и азиатскими странами переводит проблему выбора цивилизационного пути в категорию «нормы». Код: «идейное противостояние» «традиционных и вестернизированных культур», «Россия — это отдельная цивилизация», «необходимо идти по пути развития Запада».	Считывается отсутствие «нормы» в цивилизационном развитии страны. Код: российская цивилизация живет официально одобренными мифами.
	<i>Тип истории как символ цивилизационного пути</i>	
	«Победа над темными силами», «Поиск и обретение цели»	«Поиск и обретение цели»
	<i>Тип персонажа как отражение ведущих поведенческих характеристик</i>	
	«Герой», «Вредитель»	«Герой», «Жертва»

российских авторов не обнаружено, возможно, в силу неторопливой обстоятельности российской жизни, где мобильность демонстрирует лишь молодое поколение, а старшие следуют принципу «где родился, там и содился». Инертность старшего поколения присутствует, возможно, благодаря историям об осужденных, отправленных в «свою Сибирь».

«Россияне» как персонаж (по В.Я. Проппу) в текстах российских журналистов: Герой — 17, Вредитель — 6, Даритель — 5, Ложный герой — 4, Жертва — 4, Помощник — 1, Наблюдатель — 0. Востребованность «Героев», на наш взгляд, свидетельствует об общественной цен-

ности лидеров для общества, способных преодолевать препятствия на пути к поставленной цели и добиваться существенных изменений. Драматизм русской истории, по мнению авторов, проявляется в том, что по пятам за героем следует «Вредитель». Враг рядом! Внутренний или внешний, он серьезно отравляет жизнь и мешает ее немедленному улучшению. С другой стороны, всегда можно переложить часть личной ответственности за неудачные (или преступные) решения на анонимного «Вредителя». «Дарители», «Ложные герои» и «Жертвы» примерно поровну присутствуют в историях отечественных авторов, указывая на

то, что вероятность получения подарков судьбы в три раза меньше, чем возможность стать жертвой. Судя по единичной представленности «Помощника» надеяться в этой жизни особенно не на кого, кроме как на себя самих.

Анализ типов историй, созданных зарубежными авторами, выявляет главный сюжет — «Поиск и обретение цели», опережая более чем в 3 раза ближайшего «конкурента». Очевидно, после всех потрясений основным уделом россиян, по мнению зарубежных авторов, остается осмысление пройденного и окончательное определение с выбором дальнейшего пути, который пока не ясен. Шансы победить некие «темные силы» и добиться «возрождения» достаточно велики («Победа над темными силами» — 7 сюжетов, «Возрождение как освобождение» — 7 историй). Ставка на позитивное развитие истории в 2 раза выше, чем негативное, поскольку типов сюжетов «Трагедия, приводящая к краху» всего 5. «Комедия как история о неправильно выбранном пути и взаимном непонимании» встречается в 3 случаях, может указывать на достаточно развитую способность россиян обдумывать, «семь раз отмерить», перед тем как «отрезать». Количество «выскачков» в современной истории минимально («Из грязи в князи» — 1 сюжет).

В текстах зарубежных журналистов выявлены следующие типы «россиян» как персонажей: Герой — 13; Жертва — 5; Ложный герой — 5; Наблюдатель — 4; Вредитель — 3; Помощник — 2; Даритель — 1. Количество «Героев» высоко. Авторы находят для своих материалов тех, кто демонстрирует желание и умение

действовать, добиваться поставленной цели. Большое количество «Жертв» и «Ложных героев» указывает, на наш взгляд, на наличие могущественных сил, препятствующих решению благородных задач и стремящихся негативно повлиять на ситуацию. Появление «Наблюдателя» связано во многом с позицией самих авторов материалов, активно проявляющих себя, но остающихся «над схваткой». Кроме того, пожалуй, в этом можно обнаружить проявление некоторой инертности основной массы персонажей, пока не вовлеченных в «драму жизни», проявляющих свойственное российскому народу беспредельное терпение. «Вредители» и «Помощники» примерно уравнивают силы друг друга, указывая в некоторой степени на стабильность обстановки. «Даритель» на взгляд прагматичных авторов вероятно персонаж экзотический и подарков россиянам, видимо, ждать не приходится.

Отмечаем, что оценочная позиция отечественных авторов в 66 % случаев позитивная (на уровне признания «нормы» или принятия случившегося), в 17 % негативная и в 17 % не определяется. Авторы текстов субъективны, идентифицируя россиян в 57 % случаев, и в 43 % объективны. Это свидетельствует о взвешенной и объективной в целом позиции.

В оценочной позиции зарубежных авторов явно преобладает негатив: 67 % — отрицательная оценка; 22 % — позитивная; 11 % — нейтральная. Авторы текстов субъективны в идентификации россиян в 63 %, в 32 % случаев — объективны и в 5 % случаев их позиция не определяется. Таким образом, субъекты

коммуникации активно транслируют собственную позицию, конструируя идентичность россиян. В 2 идентификациях отечественные и зарубежные авторы одинаково позитивно формулируют позиции, повествуя о ценностях и религии россиян.

Выводы

Отечественные и зарубежные коммуниканты используют схожие факты, повествуя о россиянах, однако оценочные позиции практически противоположные. Что признается «нормой» и, безусловно, принимается российскими авторами, то подчас вызывает негативно-агрессивную реакцию у зарубежных. В дискурсе отечественных журналистов отмечается характерная особенность россиян, которая, вероятно, не встраивается в привычные линейные рамки мысли зарубежных журналистов — это проявление двойственности россиянина «почти во всех аспектах поведения». Он хлебосолен и гостеприимен, приглашает гостей в свой дом, но в любой момент готов дать суровый отпор внешнему врагу или иной беде. Он способен одновременно «проклинать и прославлять» прошлое. Он и религиозен и подвержен суевериям; надеется на лучшее и полон пессимизма; рассчитывает на себя и проявляет фаталистический подход к жизни; не видит греха в мелком житейском обмане, но не прощает предательства. Предпочитает оставаться в стороне от того, что не касается его напрямую («моя хата с краю»), но проявляет сплоченность в трудные времена. Это еще раз доказывает принадлежность российской культуры к высококонтекстуальной (по Э. Холлу), в то время как авторы зарубежных повествова-

ний представляют противоположную культурную традицию. Вероятно, это объясняет восприятие идентичности россиян, проявленной в дискурсе, «как отступление от общепринятых способов поведения», а позиции по многим идентификациям считаются как «безумие». «Особенность поведения безумца, больше всего пугающая окружающих, — непредсказуемость его поступков» [7, с. 66]. Судя по всему, это различие в ранее освоенных культурных моделях используется ныне политическими акторами для поддержки специально организованных «информационных конфронтаций», популяризации «угроз» [30, с. 191].

Расхождения в конструировании дискурсивной национально-гражданской идентичности россиян российскими и зарубежными журналистами очевидны. Там, где зарубежные авторы видят в качестве основы «иллюзорно упорядоченного социального организма России» мифологическую и нерациональную основу, российские исследователи — «осадный менталитет». Нарушение норм закона обосновывается у зарубежных авторов социальными условиями, а у российских — приоритетом справедливости. Отношение к прошлому представляется зарубежным авторам возможным в формате «или/или», российские авторы отмечают возможность одновременного «проклятия и прославления». Ценность сильного человека и государства указывает, по мнению западных авторов, на идеологию военной мощи, стремление быть «мировой державой», а для российских — это проявление «условий выживания». Авторитарность власти, с позиции зарубежных авторов, это исключи-

тельно тоталитаризм и подавление демократии, а для россиян — понятный отголосок исторически оправданной «абсолютной централизации», столетия назад определившей появление государства в условиях огромных равнинных пространств. Безусловно, эта несхожесть в трансляции идентичности является отражением сформированной ранее культурно-исторической памяти, попыткой применить свое «воссоздаваемое прошлое» к интерпретации «другого». Итог считается в текстах зарубежных коммуникантов: нет возможности предвидеть поведенческие особенности россиян, кроме основных — открытости, гостеприимства и «оборонительной жизненной позиции».

Однако, есть сближающее в культурах отечественных и зарубежных сторителлеров — это принадлежность к «горячим» обществам (по А. Ассману), в которых потребность изменений основана на истории как движущей силе развития. Судя по всему, именно это призывает постоянно искать диалог. Так, норвежский писатель предпринимает грандиозное, по сути, действие — совершает путешествие по России «от края до края» и на основе опыта знакомства с русской классической литературой и личного восприятия действительности формулирует нынешнее представление о россиянах. Словно поддерживая посыл автора, М.В. Загидуллина в своей работе развивает мысль чрезвычайной значимости литературного историзма для передачи национальной идентичности, ведь «одна из функций литературы — это консолидация нации и национальной идентичности <...> литература является квинтэссенцией

«национального духа», а традиция культа гения востребована и ныне [31]. В то же время, исследователь убедительно доказывает исчезновение ведущей социальной роли литературы в современной России, поэтому ее функция как части необходимого кода передачи национальной идентичности более не актуальна. Итак, снова отмечаем двойственность, поскольку и в период литературного «децентризма» (по М. Загидуллиной) отечественные авторы, конструируя в дискурсе национально-гражданскую идентичность россиян, закладывают смыслы не современной, а традиционной и советской культурной модели (по М. Бергельсон). Вероятно, это важно для позиционирования «отстройки» россиян в современной геополитической ситуации, кроме того, помогает транслировать веками зарекомендовавшую как успешную «оборонительную позицию», ведь важно помнить, что все тексты написаны на английском языке, то есть, ориентированы не только и не столько на соотечественников, а на зарубежную аудиторию. Однако если следовать позиции М. Загидуллиной, национально-гражданская идентичность россиян в эпоху литературного децентризма уже другая. Двойственность здесь появляется в том «что имеем и что показываем». Видимо, многомерность и многоуровневость — важная составляющая идентичности россиян.

И все-таки есть общее в конструировании национально-гражданской идентичности: и отечественные, и зарубежные журналисты идентифицируют персонаж россиянина как «Героя» в процессе «Поиска и обретения цели».

Таким образом, конструирование национально-гражданской идентичности в дискурсе англоязычных историй отечественными и зарубежными авторами, показывает наличие схожих идентификаций, но различных смыслов. «Другой» далеко не всегда «безумный». Для эффективного межкультурного взаимодействия важно обладать некоторым

уровнем культурной компетенции, чтобы адекватно понимать идентичность партнера, соответствовать уровню межкультурной компетенции (по Э. Хиршу), достаточному для вхождения в чужую культуру. По этой причине исследования современной национально-гражданской идентичности россиян продолжают подтверждать востребованность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thomas J. Cross-cultural Discourse as “Unequal Encounter”: Towards a Pragmatic Analysis / J. Thomas // *Applied Linguistics*. — 1984. — No. 5 (3). — P. 227–235.
2. Golousova E.S. The Current State of the Russian Business Sculture: Origins, Problems, Andperspectives / E.S. Golousova // *Cross-cultural Management*. — Ekaterinburg Ural State University, 2017. P. 45–54.
3. Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л.В. Енина // *Политическая лингвистика*. 2016. — № 6. — С. 159–167.
4. Калганова С.О. «Россия» как дискурсивный объект СМИ: тематические направления идентификации / О.С. Калганова // *Информационное поле современной России: практики и эффекты : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 20-22 окт. 2016 г. / под ред. Р.П. Баканова*. — Казань, 2016. — С. 193–202.
5. Bergelson M. Russian Cultural Values and Workplace Communication Patterns / M. Bergelson // *Communication Studies* 2003. — Volgograd, 2003. — P. 97–112.
6. Bergelson M. Understanding Russians: Contexts of Intercultural Communication [Electronic Ressourcec] / M. Bergelson // Coursera. — Mode of Access: <https://www.coursera.org/learn/interculturalcommunication-russians>.
7. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000) / Э.В. Чепкина ; под ред. Л.М. Майдановой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 279 с.
8. Деррида Ж. Позиции / Ж. Деррида. — М. : Акад. проект, 2007. — 158 с.
9. Зеленцов М.В. Акторы формирования образа России в зарубежном медиапространстве / М.В. Зеленцов // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2015. — Т. 4, № 2. — С. 159–169. — DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).159-169.
10. Fokkema D. Literary History, Modernism and Postmodernism / D. Fokkema. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamin Publ., 1984. — 71 p.
11. Островский А.Б. Структурно-семиотический подход к изучению менталитета в традиционной бесписьменной культуре / А.Б. Островский // *Актуальные проблемы изучения архаики : материалы теор. семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг.»* — СПб. : МАЭ РАН, 2014. — С. 26–33.
12. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» : монография / О.И. Астахова [и др.] ; под ред. Э.В. Чепкиной. — М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 196 с.
13. Lévi-Strauss Cl. Le regard éloigné / Cl. Lévi-Strauss. — Paris : Plon, 1984. — 398 p.
14. Енина Л.В. Методика и результаты мониторинга СМИ / Л.В. Енина // *Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» / О.И. Астахова [и др.], под ред. Э.В. Чепкиной*. — М. ; Екатеринбург, 2017. — С. 52–62.
15. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity / J. Assmann // *New German Critique*. — 1995. — No. 65. — P. 125–133.

16. Hirst W. Towards a Psychology of Collective Memory / W. Hirst, D. Manier // *Memory*. — 2008. — Vol. 16, iss. 3. — P. 183–200. — DOI: 10.1080/09658210701811912.
17. Erll A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction / A. Erll, A. Rigney // *European Journal of English Studies*. — 2006. — Vol. 10, iss. 2. — P. 111–115. — DOI: 10.1080/13825570600753394.
18. Rigney A. Plenitude, Scarcity and the Circulation of Cultural Memory / A. Rigney // *Journal of European Studies*. — 2005. — Vol. 35, iss. 1. — P. 11–28.
19. Базикийн С.А. Роль региональных брендов в накоплении символического капитала места (на примере Великого Новгорода) / С.А. Базикийн // *Вопросы теории и практики журналистики*. — 2017. — Т. 6, № 4. — С. 592–602. — DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602.
20. Малахова А.М. Развитие жанра «история» в современной медиакультуре / А.М. Малахова // *Век информации. Журналистика XXI века: в координатах исторического времени* : матер. междунар. науч.-практ. конф. (27–28 окт. 2017 г.) / отв. ред. С.Г. Корконосенко. — СПб., 2018. — № 1. — С. 223–234.
21. Сумская А.С. Трансмедиа Storytelling в маркетинговых PR-коммуникациях // *Вестник ЧелГУ*. — 2016. — № 13 (395). — С. 117–124.
22. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — М. : Лабиринт, 1998. — 512 с.
23. Миташева М.С. Сторителлинг как технологическая основа журналистики (опыт теоретической аргументации) / М.С. Миташева, В.С. Варакин // *Концепт*. — 2017. — Т. 2. — С. 637–641.
24. Gibbons A. Across Media: Transmedia Storyworlds, Multimodal Fiction, And Real Readers / A. Gibbons, S. Reading // *Narrative*. — 2017. — Vol. 25, iss. 3. — P. 321–341.
25. Hancox D. From Subject to Collaborator: Transmedia Storytelling and Social Research / D. Hancox // *Convergence*. — 2017. — Vol. 23, iss. 1. — P. 49–60.
26. Sousa M.N. Transmedia Storytelling: The Roles and Stakes of the Different Participants in the Process of a Convergent Story, in *Divergent Media and Artefacts* / M.N.Sousa, M.L. Martins, N.Zagalo // *Media Convergence Handbook*. — 2016. — Vol. 2. — P. 117–135.
27. Lambert J. Digital Storytelling Cookbook and Travelling Companion Version / Lambert. — San Francisco : Digital Diner Press, 2003. — 60 p.
28. Мультимедийная журналистика : учебник / под ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. — М. : Высшая школа экономики, 2017. — 413 с.
29. Сайкс М. От слайдов к историям: пошаговая методика создания убеждающих презентаций / М. Сайкс, Н. Малик, М. Вест. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 256 с.
30. Сумская А.С., Саймонс Г. Концепция «моральной паники» в современной медиареальности России и Запада: опыт восприятия с позиции коммуникативно-культурной памяти // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. — 2018. — № 3 (29). — С. 184–196.
31. Zagidullina M. At the Crossroads Between the Elite and the Masses Cults: Pushkin's Middle Path in Russian Culture / M. Zagidullina // *Neohelicon*. — 2019. — Vol. 46, iss. 1. — P. 183–197. — DOI 10.1007/s11059-018-0463-8.

REFERENCES

1. Thomas J. Cross-cultural discourse as 'Unequal encounter': Towards a pragmatic analysis. *Applied Linguistics*, 1984, no. 5 (3), pp. 227–235.
2. Golousova E.S. The Current State of the Russian Business Sculture: Origins, Problems, Andperspectives. *Cross-cultural Management*. Ekaterinburg, Ural University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2017, pp. 45–54.
3. Enina L. Identity as a Discursive Concept and Discursive Identification Mechanisms. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2016, no. 6, pp. 159–167. (In Russian).
4. Kalganova S.O. "Russia" as a Discourse Object for Mass Media: Topic Areas of Identification. In Bakanov R.P. (ed.). *Informatsionnoe pole sovremennoi Rossii: praktiki i efekty. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 20–22 oktyabrya*

2016 g. [Modern Russian Information Field: Practice and Results. Materials of XIII International Scientific and Practical Conference, Kazan, October, 20–22, 2016]. Kazan, 2016, pp. 193–202. (In Russian).

5. Bergelson M. Russian Cultural Values and Workplace Communication Patterns. *Communication Studies* 2003. Volgograd, 2003, pp. 97–112.

6. Bergelson M. Understanding Russians: Contexts of Intercultural Communication. *Coursera*. Available at: <https://www.coursera.org/learn/intercultural-communication-russians>.

7. Chepkina Je.V.; Maidanova L.M. (ed.). *Russkij Zhurnalistskij Diskurs: Tekstoporozhdajushhie Praktiki i Kody* [Russian journalistic Discourse: Text Forming Practice and Codes]. Ekaterinburg, Ural University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin Publ., 2000. 279 p.

8. Derrida J. Positions / J. Derrida. – Paris : Les éditions de minuit, 1972. – 134 p. (Russ. ed.: Derrida J. *Pozitsii*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 158 p.).

9. Zelentsov M. V. Actors of Forming the Image of Russia` in the Foreign Media Space. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 159–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).159-169.

10. Fokkema D. *Literary History, Modernism and Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin Publ., 1984. 71 p.

11. Ostrovskii A.B. Structural and Semiotic Approach to Studying Mentality in a Traditional Oral Culture. *Aktual'nye problemy izucheniya arkhai. Materialy teoreticheskogo seminarra «Teoriya i metodologiya arkhai» 1996–2012 gg.»* [Essential Issues in Studying Antiquity: Papers of the Theoretical Seminar “Theory and Methodology of Antiquity 1996–2012”]. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 26–33. (In Russian).

12. Astashova O.I., Bulatova E.V., Enina L.V., Ilina O.V.; Chepkina E.V. (ed.). *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna»* [Problems of Russian People Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2017. 196 p.

13. Lévi-Strauss Cl. *Le regard éloigné*. Paris, Plon, 1984. 398 p.

14. Enina L.V. The Methods and the Results of the Mass Media Monitoring. In Astashova O.I., Bulatova E.V., Enina L.V., Ilina O.V.; Chepkina E.V. (ed.). *Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna»* [Problems of Russian People Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept]. Moscow, Ekaterinburg, 2017, pp. 52–62. (In Russian).

15. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity. *New German Critique*, 1995, no. 65, pp. 125–133.

16. Hirst W., Manier D. Towards a Psychology of Collective Memory. *Memory*, 2008, vol. 16, iss. 3, pp. 183–200. DOI: 10.1080/09658210701811912.

17. Erl A., Rigney A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction. *European Journal of English Studies*, 2006, vol. 10, iss. 2, pp. 111–115. – DOI: 10.1080/13825570600753394.

18. Rigney A. Plenitude, Scarcity and the Circulation of Cultural Memory. *Journal of European Studies*, 2005, vol. 35, iss. 1, pp. 11–28.

19. Bazikyan S.A. The Role of Regional Brands in Accumulating Symbolic Capital of Place (on the Example of Veliky Novgorod). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 592–602. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).592-602. (In Russian).

20. Malakhova A.M. The Development of a Story Genre in the Modern Media Culture. In Korkonosenko S.G. (ed.). *Vek informatsii. Zhurnalistskii XXI veka: v koordinatakh istoricheskogo vremeni. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (27–28 oktyabrya 2017 g.)* [Information Age. Information Age Journalism of the XXI Century: in the Coordinates of Historical Time. Materials of International Scientific Conference. October 27–28, 2017]. Saint Petersburg, 2018, no. 1, pp. 223–234. (In Russian).

21. Sumskaya A.S. Transmedia Storytelling in Marketing PR-communication. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 13, pp. 117–124. (In Russian).
22. Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Morphology of a Fairy Tale. Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 512 p.
23. Mitashova M.S., Varakin V.S. Storytelling as a Technological Basis of Journalism (Experience of Theoretical Reasoning)]. *Kontsept* = *Koncept*, 2017, vol. 2, pp. 637–641. (In Russian).
24. Gibbons A., Reading S. Across Media: Transmedia Storyworlds, Multimodal Fiction, And Real Readers. *Narrative*, 2017, vol. 25, iss. 3, pp. 321–341.
25. Hancox D. From Subject to Collaborator: Transmedia Storytelling and Social Research. *Convergence*, 2017, vol. 23, iss. 1, pp. 49–60.
26. Sousa M.N., Martins M.L., Zagalo N. Transmedia Storytelling: The Roles and Stakes of the Different Participants in the Process of a Convergent Story, in Divergent Media and Artefacts. *Media Convergence Handbook*, 2016, vol. 2, pp. 117–135.
27. Lambert J. *Digital Storytelling Cookbook and Travelling Companion Version*. San Francisco, Digital Diner Press, 2003. 60 p.
28. Kachkaeva A.G., Shomova S.A. (eds). *Mul'timediinaya zhurnalistika* [Multimedia Journalism]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2017. 413 p.
29. Sykes M., Malik N., West M. *Stories that Move Mountains: Storytelling and Visual Design for Persuasive Presentations*. New York, John Wiley & Sons, 2012. 252 p. (Russ. ed. Sykes M., Malik N., West M. *Ot slaidov k istoriyam: poshagovaya metodika sozdaniya ubezhdayushchikh prezentatsii*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2014. 256 p.).
30. Sumskaya A.S., Saimons G. The Concept of “Moral Panic” in the Present Mediality of Russia and West: Experience of Perception from the Position of Communicative cultural Memory. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* = *Sign: the problem field of media education*, 2018, no. 3 (29), pp. 184–196. (In Russian).
31. Zagidullina M. At the Crossroads Between the Elite and the Masses Cults: Pushkin's Middle Path in Russian Culture. *Neohelicon*, 2019, vol. 46, iss. 1, pp. 183–197. DOI 10.1007/s11059-018-0463-8.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сумская А.С. Истории о россиянах в англоязычных медиа: конструирование национально-гражданской идентичности / А.С. Сумская, П.Ф. Сумской. // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 3. — С. 585–607. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).585-607.

FOR CITATION

Sumskaya A.S., Sumskoy P.F. Stories About Russians in the English-Language Media: Construction of National-Civic Identity. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* = *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 585–607. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).585-607. (In Russian).